

но в русле этой традиции Святейший синод превратился в почти «единого хозяина» в отношении населения церковных земель, именно в русле этой традиции в нашей стране так и не появились обособленные от органов управления церковные суды. Единственной значительной уступкой законодателя исходно приоритетным шведским образцам следует признать осуществленное в 1722 г. сокращение церковной юрисдикции по кругу дел.

Е. В. Бородина

Екатеринбург

Судебная активность населения Урала в 1720-е гг.

Повседневная жизнь любого общества состоит из разнообразного круга событий, которые как нити сплетают ткань жизни отдельного человека и всех проживающих на данной территории людей. На современном этапе развития общества проблемы различного уровня сложности порождают возникновение широкого спектра источников – от письменных до аудиовизуальных.

Воссоздание образа жизни и характера мировоззренческих концептов предыдущих столетий более затруднительно. В первую очередь, это связано с особенностями сохранившейся источниковой базы. Если события XIX и XX вв. нашли отражение в большом числе источников личного происхождения, фотографиях, делопроизводстве и других документах, то XVIII в. не слишком богат ими. Несмотря на это, попытки реконструировать повседневную жизнь человека данного столетия предпринимались такими современными исследователями, как Н. В. Козлова, О. Е. Кошелева, А. Б. Каменский¹.

¹ См.: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002; Козлова Н. В. Введение // Городская семья XVIII века ... М., 2002. С. 3–38; Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

На основе частно-правовых актов, делопроизводства и судебно-следственной документации они воссоздали картину жизни городского населения, сумели зафиксировать ее изменения на протяжении всего столетия. В поле зрения историков попали города европейской части Российской империи: Бежецк, Москва, Санкт-Петербург.

Изучение повседневности Урало-Сибирского региона также представлено на страницах статей и монографий. Работы А. А. Люцидарской, Н. А. Миненко, С. В. Голиковой² и ряда других исследователей носят историко-этнографический характер и, как и предыдущие исследования, дают характеристику жизни обывателей конкретного города.

Таким образом, современная историографическая ситуация свидетельствует о значительном интересе к данной проблематике как в европейской, так и в азиатской частях России. Несмотря на это, круг проблем истории повседневности до сих пор расширяется. Например, еще не до конца реализован потенциал часто используемой в трудах историков повседневности судебно-следственной документации. Анализ судебно-следственных материалов может сыграть значительную роль при освещении таких вопросов, как криминальный мир и судебная активность населения³.

Характер рассматриваемых в судах проблем и состав участников судебно-следственного дела дают интересные сведения о взаимоотношениях государства и общества, способствуют изучению правовой культуры общества на определенном этапе его развития. В связи с этим целью данной статьи стал анализ судебной активнос-

² Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992; Миненко Н. А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан в XVIII в. (по материалам г. Тюмени) // Уральский город XVIII – начала XX века: сб. ст. Екатеринбург, 2004. С. 43–74; Голикова С. В. «Люди при заводах»: быденная культура горно-заводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006; и др.

³ Исключением являются работы Е. В. Акельева о преступных сообществах Москвы. См., например: Акельев Е. В. Следственные дела по доносу Ивана Осипова Каина как источник для изучения преступной среды Москвы 40–50-х гг. XVIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина: тез. докл. М., 2005. Ч. 2. С. 291–293.

ти населения Урала в последние годы правления царя-реформатора Петра I, одной из заслуг которого можно назвать проведение судебной реформы, подразумевавшей разделение судебных и административных органов.

Для проведения исследования потребовалось обратиться к судебно-следственной документации и сопутствующим ей видам делопроизводственных документов. К сожалению, изучение данной темы требует большого количества источников, огромное число которых оказалось либо утеряно, либо разбросано по центральным и региональным архивам нашей страны. Трудности составления базы данных для десятка дистриктов на протяжении нескольких лет привели к решению ограничить анализ правовой активности населения двумя дистриктами за один, 1722, год.

В качестве основных единиц изучения были взяты Кунгурский и Каменский дистрикты. Именно здесь удалось найти делопроизводственные комплексы, повествующие о делах, разбиравшихся земскими судьями на данном отрезке времени. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Кунгурская канцелярия судных дел представлена рядом источников, сохранившихся в фонде «Кунгурские административные и судебные учреждения» Российского государственного архива древних актов. В основном это судебно-следственная документация, а также доношения от разных лиц по другим вопросам. Ценностью сохранившегося в фонде материала является достаточно широкий временной охват, возможность представить механизм осуществления правосудия в исследуемый период на основе дошедших до нашего времени в основном целостных подборок судебно-следственной документации по тому или иному делу.

Отдельную источниковедческую ценность имеет опись дел фонда⁴. Составленная еще в конце XVIII столетия, она представляет собой перечень гражданских и уголовных дел⁵, разбиравшихся в

⁴ РГАДА. Ф. 1015 : Кунгурские административные и судебные учреждения (1699–1726). Оп. 1.

⁵ Естественно, что деление на эти группы было произведено в соответствии с представлениями о сущности гражданских и уголовных дел того времени. Возможно, в основу группировки было положено деление по месту поступления жалоб в земскую и судебную канцелярии (для начала 1720-х гг.).

Кунгуре в первой четверти XVIII в. Среди первой группы документов можно найти дела, совершенно не касающиеся деятельности судебной канцелярии. В первую очередь, это документы, связанные с вопросами проведения подушной переписи Солнцева-Засекина, передачей подвод для генерал-майора Геннина, направляющегося на Урал, и проч. В связи с этим при анализе списка дел, проходящих по данной группе, требуется применение выборочного подхода. Вторая группа дел не имеет таких исключений. Конечно, нельзя говорить о полноте представленных в описи судебно-следственных материалов. Часть из них, безусловно, была выслана в Тобольский надворный суд, в провинциальный суд либо в Преображенский приказ. Часть была утеряна или не сохранилась, как не дошли до историков и годовые и квартальные отчеты первого и последнего кунгурского городского судьи в Тобольский надворный суд. Тем не менее подборка дел, отразившаяся в описи, имеет определенную ценность.

Не ставя цели определить, какие из дел рассматривались в судебной, а какие – в земской канцелярии, попытаемся охарактеризовать уровень правовой культуры населения Кунгурского уезда. В качестве хронологических рамок будет взят 1722 г., что обусловлено необходимостью сравнительного анализа правовой активности населения в Каменском и Кунгурском дистриктах.

За 1722 г. в Кунгурской описи имеется 57 записей. Каждая запись дает представление о содержании дела, времени его поступления в канцелярию и количестве листов в нем. Как уже было отмечено выше, не все зарегистрированные случаи связаны с судебной практикой. Если среди гражданских дел можно найти отметки по вопросам проведения подушной переписи, распределения тягла и возвращения крестьян на прежнее место жительства⁶, то в число уголовных попало незначительное количество дел о поимке и транспортировке колодников.

Каменская судебная канцелярия менее богата источниками. Они очень отрывочно представлены в двух фондах Государственного архива Свердловской области: Уральского горного правления и Каменской земской конторы. Разрозненность материала требует значительных временных затрат для его обработки. Фонд Уральского горного правления содержит один документ, позволивший предста-

⁶ Пик регистрации вернувшихся приходится на декабрь – 6 записей.

вить более или менее полную картину фронта работ каменского «нижнего судьи» Г. Черкасова в 1722 г. «Реэстр вершеным делам судебного комиссара Черкасова минувшаго 722 году генваря с 1 да марта по 1 число 723 году» представляет собой перечень дел, поступивших в судебную канцелярию в течение этого времени. В первую очередь, это судебные тяжбы с обозначением истца и ответчика, содержания дела.

Реэстр содержит 66 учетных записей судебных дел за исследуемый период. Это на одну треть больше, чем в Кунгуре, где, отсеяв лишнее, можно выделить 42 судебно-следственных дела, которые очень неравномерно распределены по месяцам. Для того чтобы сопоставить отложившиеся документальные комплексы, каждый из них был проанализирован по ряду параметров. В качестве первого была взята ежемесячная динамика поступающих в канцелярии дел, которая позволила составить более или менее полную картину правовой активности населения Каменского дистрикта и Кунгурского уезда. Во-вторых, были изучены социальные статусы обращающихся к земским судьям истцов и проходивших по делам ответчиков. Это дало возможность очертить круг лиц, чаще всего пользовавшихся услугами коронных судов.

Итак, рассмотрим динамику ежемесячных показателей. На Каменских заводах в среднем ежемесячно разбиралось по 6 дел. Но если в начале года количество судебных тяжб не превышало 3–4 в месяц (январь – март), то к концу года оно выросло до 10 (декабрь). Обращающее на себя внимание сезонное снижение правовой активности заводского населения во многом было связано с годовым сельскохозяйственным циклом. Наибольшее число дел приходится на периоды отсутствия крупных полевых работ.

В Кунгурском уезде среднемесячный показатель составлял 3,5 дела, что почти в два раза ниже, чем в Каменском дистрикте. Пик правовой активности населения уезда также приходится на холодные месяцы: февраль, ноябрь и декабрь (7, 7 и 6 дел соответственно). В этот период было возбуждено наибольшее число гражданских дел. Апрель, май и август тоже не были спокойными, так как в эти месяцы было возбуждено наибольшее число уголовных дел. Как и в Каменском дистрикте, объем работы судебной канцелярии увеличивался к окончанию сельскохозяйственного сезона.

Именно на это время в Каменском дистрикте приходится и наибольшее число дел, возбуждаемых по причине «боя и брани». Данные наблюдения позволяют согласиться с мнением А. Б. Каменского, что «ни одно общество, ни один коллектив не обходится без конфликтов, составляющих неотъемлемую часть повседневной жизни и являющихся своего рода регулятором взаимоотношений внутри того или иного сообщества»⁷. Это мнение подтверждается исследователем инвективной лексики В. И. Жельвисом. Он обратил внимание на то, что на данном этапе развития общества практически каждое слово продолжает восприниматься как нечто, наделенное магической силой, и подчеркнул особую потребность человека в свободном выражении своих чувств. Именно невозможность сделать последнее мешает человеку ясно мыслить, ухудшает межперсональные отношения и может привести к психосоматическим расстройствам⁸. Межличностные столкновения, как и содержание других судебных тяжб данного периода, имели свои особенности, которые позволяют лучше узнать изучаемое общество, понять, с какими проблемами могли обратиться к судье жители той или иной административно-территориальной единицы.

Межличностные конфликты составляют 47,8 % (32 случая из 67) от всех судебно-следственных дел, разбиравшихся на Каменских заводах в 1722 г.; 59 % из них закончились мировыми прошениями. Данная цифра может свидетельствовать о том, что многие дела возбуждались лишь для устрашения своего «соседа» и не имели своей целью довести судебное разбирательство до конца. Выплеск словесной агрессии вел к прекращению таких процессов и смягчению социального напряжения.

Немного особняком от интерперсональных конфликтов стоят «блудное дело» («блудное воровство») и по церковным меркам недалеко от него ушедшие внутрисемейные конфликты. Несмотря на то, что разбирательства по этим вопросам стоят на последнем месте (13,4 %, 9 дел из 67), их число также может являться ярким показателем нравов людей, все еще не переступивших рубеж от Сред-

⁷ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей ... С. 141.

⁸ См.: Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001. С. 35–36.

невскова к Новому времени. В этих отношениях большую роль продолжала играть церковь. Не имея больше возможности следить за нравственностью и целомудрием брачных отношений, она активно использовала в своих целях государственные структуры, в которые часто приводили «провинившихся» женщин местные жители. В качестве примеров можно привести несколько случаев. В июне 1724 г. в присутствии попа Каменской слободы Парамона рассматривалось дело девки Окулины Швечиной о «прижитии блудно младенца» от драгуна Тита Ведерникова⁹. В 1726 г. можно встретить несколько подобных обращений крестьян Каменского дистрикта, поступивших в земскую контору после обыска пономаря церкви Трех святителей на предмет внебрачных беременностей¹⁰. В самом реестре Черкасова все дела, подобные только что названному, обозначены как приводные.

На втором и третьем по распространенности местах стоят преступления, связанные с кражей лошадей – 22,3 % (15 из 67), и имущественные тяжбы и преступления – 16,4 % (11 из 67). Данная ситуация не является удивительной. Во всех регионах России лошади представляли собой большую ценность, как при уборке урожая, так и при передвижении на значительные расстояния. На Урале иметь в своем хозяйстве лошадей было особенно важно, так как здесь они были в особом дефиците и часто использовались в заводских работах. К прочим имущественным спорам и преступлениям были отнесены грабежи, воровство, споры о потравленном на поле урожае и проч.

Сходная ли ситуация в 1722 г. наблюдалась в Кунгурском уезде? Тщательный анализ и подсчет поступивших в судебную канцелярию дел дали возможность реконструировать несколько иную картину жизни кунгурцев. Математическая обработка данных показала, что наибольшее число челобитных, зарегистрированных в описи, касается не дел по «бою и брани», а имущественных вопросов (61,9 %)¹¹. Из них 35,7 % дел (15 из 42) – это случаи воровства и грабежей; 19 % от всех судебно-следственных дел (8 случаев) – обычные тяжбы по хлебным, денежным и прочим долгам;

⁹ См.: ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 440–440 об.

¹⁰ См.: Там же. Д. 14. Л. 7.

¹¹ При подсчетах не учитывались дела о «конном воровстве».

7 % казусов (3 из 42) представляют собой тяжбы о порче и потраве имущества.

Количество дел о «конных ворах» и «конном воровстве» незначительно, но уступает этой же категории дел в Каменском дистрикте, составив 19 % (8 из 42). Это подтверждает уже упомянутое нами положение о распространенности данного вида преступлений по всей территории Урало-Сибирского региона.

Можно отметить, что данная административно-территориальная единица отличалась меньшей общественной напряженностью. Дела, касающихся взаимных оскорблений и членовредительства, в кунгурской описи 1722 г. почти не встречаются. Так как центром уезда являлся город, наибольшее число конфликтов разгоралось из-за финансовых вопросов. Несмотря на это, в Кунгуре в рассматриваемый период было совершено два убийства, чего не было отмечено в Каменском дистрикте. Случаи со смертельным исходом фиксировались в Кунгурском уезде и в последующие годы. В ходе изучения делопроизводства Каменских судебной и земской канцелярий за 1722–1727 гг. было выявлено всего два таких случая: дела об убийствах Минея Нечаева и Павла Семенова, расследования по которым начались в октябре и ноябре 1725 г. соответственно¹².

Некоторые факты свидетельствуют о том, что многие случаи «боя и брани» на уральских заводах также могли заканчиваться летальным исходом. В качестве примера можно привести поступившее 26 декабря 1725 г. в Каменскую заводскую контору дело об избиении «Царева городища Наполного полку драгуна Сергея Базанного». Доставивший его в контору молотовой подмастерье Роман Перфильев просил, «чтоб указом Его Императорского Величества самодержицы всероссийской повелено было оного Базанного у него... принять и раны его освидетельствовать, и *пока он жив* (курсив мой. – Е. Б.), у него Базанного спросить, кто его бил». Пострадавший в скором времени умер от нанесенных ему побоев. Причиной такой жестокости была украденная лошадь¹³.

Таким образом, социальная агрессия вкупе с имущественными потерями нежданно-негаданно могли привести к убийству. Несмотря на начавшееся в начале XVIII столетия активное проник-

¹² См.: ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 710.

¹³ См.: Там же. Л. 818–821.

новение в русские культуру и национальное самосознание рациональных оснований, низшие слои населения продолжали жить, руководствуясь первыми порывами и эмоциями. Их не могли избежать даже более или менее образованные представители уралосибирского общества.

Источники дают возможность привести ряд примеров, когда подьячие и даже судьи оказывались вовлечены в драки и прочие конфликты. В 1722 г., например, была зарегистрирована жалоба подьячего судебной канцелярии А. Гобова на горно-заводского «камисара Василия Томилова и гулящих людей в бою его»¹⁴. Кроме того, 8 сентября 1724 г. в Сибирский обербергamt поступила челобитная от фискала Крупенникова, в которой он жаловался на судебного комиссара Д. Карвацкого «в бою». Этот случай очень хорошо иллюстрирует нравы общества данного периода и дает представление о характере некоторых судебных комиссаров¹⁵. В феврале 1725 г. в Тюменскую ратушу обратился подьячий судебной канцелярии И. Окулов с жалобой на посадского Матвея Савина, который незаслуженно ударил его в одном из кабаков города¹⁶. Таким образом, и состоящие на государственной службе управленцы время от времени принимали участие в судебном процессе в качестве истцов и ответчиков по достаточно стандартным для того периода делам.

Все вышеприведенные факты еще раз подтверждают уже выявленную нами закономерность: большинство убийств и дел в «бое и брани» приходилось на конец года. В это время основной объем всех сельскохозяйственных и прочих работ прекращался либо сводился к минимуму.

Анализ состава участников судебных тяжб дает возможность понять, какая из групп населения принимала самое активное участие в судебном процессе.

¹⁴ ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 35. А. Гобов, по-видимому, отличался большой конфликтностью, которая прослеживается по описям и регистру Арамилской земской конторы в виде его жалоб на «брань и бесчестье» (см.: Там же. Л. 75 об.), грабеж и проч. (см.: Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об., 15 об.) Правда, и против самого подьячего проводилось расследование.

¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 109. Этот случай и его разбирательство в обербергамте объясняется инструкцией от 12 марта 1724 г., данной В. Генниным (см.: Там же. Д. 33. Л. 60 об. – 61).

¹⁶ См.: ГАСО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 25–25 об.

В первую очередь рассмотрим, кем были истцы и ответчики, представавшие перед судьей Каменской судебной канцелярии. Наиболее многочисленную группу истцов, что не удивительно, составили крестьяне и жители слобод Каменского дистрикта (30 случаев из 67). Они же выступали в качестве основных ответчиков (31 случай). Именно крестьяне являлись основными участниками дел, заводимых по причине «боя и брани». Солдаты (в основном драгуны), заводские служащие – работники (в их число входили пушкар, заводские кузнецы, угольные мастера, молотовые работники) и канцелярские служащие (канцелярские рассыльщики и подьячие¹⁷) – также составляли достаточно большой процент истцов. По их инициативе было возбуждено по 10 дел. В отличие от крестьян они представляли собой более дисциплинированную группу тяжущихся, так как против них оказалось возбуждено 3 и 4 дела соответственно. Обращает на себя внимание, что заводские работники даже между собой судились у Г. Черкасова. Данная ситуация может быть объяснена тем, что в 1722 г. завод не входил в сферу влияния горного ведомства¹⁸. Еще одну самостоятельную категорию тяжущихся составляли служилые и оброчные татары, которые были приписаны к Уфимскому уезду и Тюмени. Они не были частыми гостями судебной канцелярии Каменского дистрикта.

По реестру видно, что в судебных разбирательствах принимали участие и мужчины, и женщины. Как уже отметила О. Е. Кошелева, женщины очень часто выступали самостоятельными участниками судебного процесса¹⁹. Представительницы «слабого пола» нередко выступали в качестве истцов на суде (7 случаев). Большинство

¹⁷ Можно выделить два случая, когда им выпадала роль возбудителей тяжб. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 44 («Дело Каменского подьячего Афонася Женова на багаряцкого крестьянина Аверкия Откулова в краже лошадей» от 9 декабря и «Дело Каменского подьячего Афонася Казанцова, брата ево Бориса Казанцева на Каменских жителей Бориса Пелменшикова, Потапа Миронова» от 24 декабря).

¹⁸ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 («Дело Каменских заводов пушкаря Алексея Буркова на пушкаря ж Луку Харчевникова» от 20 марта); Л. 41 об. («Дело Каменского заводского кузнеца Евсея Тагилцова на угольного мастера Афонася Туткина» от 25 апреля) и др.

¹⁹ См.: Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. С. 309–312.

таких судебных процессов начиналось в результате межличностных конфликтов как с мужчинами, так и с женщинами²⁰. В некоторых случаях жены через суд вступались за своих драчливых мужей. Впрочем, в анализируемом источнике можно найти и совершенно противоположную ситуацию²¹.

В 8 случаях женщины в качестве ответчиков обвинялись в «блудном воровстве». Иногда совместно с ними по этому обвинению проходили и лица мужского пола, застигнутые на месте преступления. Правда, данные казусы нельзя рассматривать с точки зрения распространенности проституции в данном регионе²². Несмотря на уже упоминавшиеся попытки церковнослужителей контролировать морально-нравственную сторону брачно-семейных отношений, многие из молодых людей вступали в сексуальные отношения до брака. Некоторые из таких пар, скрываясь от родительского наказания, бежали из родных мест²³. Кроме того, в делопроизводстве Каменского дистрикта нередко встречаются случаи побегов жены от законного мужа. Все эти казусы часто попадали в поле зрения местной администрации и рассматривались светским судьей как обычное нарушение закона²⁴. Данные выводы подтверждаются исследованиями повседневной жизни Тюмени Н. А. Миненко, которая привела множество примеров из жизни тюменцев XVIII столетия, касающихся заключения и расторжения браков²⁵.

²⁰ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 об. («Дело Каменских заводов крестьянской жены Матрены Петровой дочери на крестьянскую жену Авдотью Тимофееву дочь и мировое их прошение» от 30 мая); Л. 43 («Дело Каменских заводов молотового мастера жены Евдокии Филипповой дочери на Каменского бобыля Ивана Гладкого в брани» от 28 сентября) и др.

²¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 43 об. («Дело Колчеданского острогу крестьянской жены Феклы Степановой дочери на Каменского крестьянина Сидора Детеникова в бою мужа ея» от 2 ноября); Л. 43 («Дело Колчеданского крестьянина Нифонтия Зубкова того ж острогу на крестьянина Ивана Шулгина в бите жены ево» от 18 октября).

²² Проблему проституции и нарушений норм сексуального поведения в городской среде очень хорошо осветил А. Б. Каменский. См.: *Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей ...* С. 229–243.

²³ См.: ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–9.

²⁴ См.: Там же. Л. 33–24 об.

²⁵ См.: *Миненко Н. А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан в XVIII в. (по материалам г. Тюмени).* С. 43–74.

Несколько иная картина предстает в Кунгурском уезде. Если посмотреть на количество истцов и ответчиков женского пола в 1722 г., то можно увидеть, что их значительно меньше, чем на Среднем Урале. Мы также найдем лишь одно дело, связанное с «блудным воровством». По всей видимости, в более традиционной для жизни городской среде (в отличие от заводской) женщины оставались достаточно пассивными. Несмотря на это, в канцелярию время от времени поступали очень интересные дела, касающиеся брачно-семейных отношений, о которых уже упоминалось выше. Именно они не дают возможности говорить о том, что городская среда Кунгура, как и его окрестности, были широко знакомы с феноменом проституции, хотя нельзя отрицать и его совершенное отсутствие²⁶.

Социальные статусы истцов и ответчиков в Кунгуре были более разнообразны, чем на Среднем Урале. Безусловно, крестьяне и здесь составляли большинство истцов и ответчиков (35,8 и 72 % соответственно). Несмотря на это, здесь среди истцов можно найти помимо уже упоминавшихся категорий населения посадских и конных казаков, не встречавшихся нам в силу региональных особенностей в Каменском и Уктусском дистриктах. Кроме того, здесь также видна большая роль церковной организации в жизни общества. В 2 случаях из 42 пономарь и церковный сторож, состоявшие при церквях, выступали в качестве истцов наравне с другими категориями населения.

На территории Урало-Сибирского региона в тот период проживало очень много представителей других национальностей (татары, башкиры, черемисы и проч.), но процент их участия в судебных разбирательствах был очень невелик. Содержание кунгурских и каменных судебных тяжб, в которых они принимали участие, позволяет выявить следующую закономерность. На Каменных заводах татары, находившиеся вдали от дома, при возникновении конфликтов между ними использовали для их разрешения коронную администрацию. В Кунгурском уезде, где татары и прочие инородцы имели места постоянной оседлости, судебные процессы с их участием в большинстве случаев проходили несколько иначе. Мно-

²⁶ См., например: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 123. № 1811; Л. 128 об. № 1866.

гие из них начинались по инициативе татар и других инородцев против крестьян из-за украденных лошадей, которые представляли в то время наибольшую ценность, а также из-за разграничения земельных угодий и покушений на их движимое и недвижимое имущество²⁷. Встречались и такие дела, которые возбуждали против татар крестьяне²⁸.

В целом в кунгурском судебном делопроизводстве почти не встречаются дела, возбужденные инородцами друг против друга²⁹. С чем это связано? Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в инородческой среде в течение долгого времени сохранялись основы традиционного самоуправления и обычного права³⁰. Проживая постоянно на одном месте, судебные и полицейские функции здесь осуществляли выборные старосты, общий уровень которых, думается, был не слишком высок³¹. Все дела, решаемые без участия местной администрации, находились в руках этих людей. Правда, в случае недовольства работой старосты инородцы могли обратиться к судье, прося его рассмотреть дело³².

²⁷ См.: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 117, 122 об. 123 об., № 1707, 1802, 1816 и др.

²⁸ См.: Там же. Ф. 1565. Л. 1–1 об.; Ф. 518. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 11. Л. 4.

²⁹ Здесь можно сделать ряд исключений. Во-первых, коронная администрация рассматривала все споры по земельным вопросам. В качестве примера можно привести дело, начавшееся в апреле 1724 г. из-за споров по поводу принадлежности земельной собственности (см.: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2048. Л. 1–1 об.). Во-вторых, представители различных народностей также требовали решения своего вопроса у земского судьи (см.: ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–27 об.; РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1).

³⁰ См.: *Конев А. Ю.* Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 1995. С. 25–26.

³¹ Ни один из участвовавших в судебных разбирательствах инородцев не умел писать и читать. На всех бумагах вместо подписи они ставили тамгу. См.: ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Л. 27; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2048. Л. 1 об. – 2 об.; Д. 2118. Л. 1.

³² См.: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 123. № 1809 («Дело по челобитью Кунгурского уезду Шаквинской волости деревни Урасковы татарина Баланта Апкашева с товарищем тоя ж четверти на старосту Асана Юлаева в непоимке бывших в деревне Гришине у него старосты Юлаева Уфимского уезду деревни Аседы татар Тоиметя с сыном Саитом и со внуком с покраденным ими медом» от 29 июля 1721 г.); ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 679.

Практически таким же образом складывалось положение дел в крестьянской среде, в которой тоже продолжали крепко держаться традиции мирского самоуправления. Особенно сильно они проявлялись в Приуралье: Вятской и Соликамской провинциях. Если обратить внимание на статистику упоминания в судебно-следственной документации представителей мирского самоуправления, это станет очевидным.

Статистика Кунгурской судебной канцелярии за 1722 г. дает возможность с полной определенностью говорить о том, что в одном из дел в качестве истца выступал весь крестьянский мир. Выборный десятник Трофим Кузнецов выступил 16 мая 1722 г. как представитель общины подгородной деревни Плехановской с целью разрешить спор, возникший с посадскими Кунгура из-за разрубленного огорода³³. Земскому судье П. Змееву пришлось решать территориальный спор между двумя общинами. В другой раз к судье обратились с просьбой проконтролировать сбор и расходование мирских средств ее выборными лицами. Если в первом случае П. Змеев имел определенные полномочия для решения территориального спора, то во втором его можно было привлечь с очень большой натяжкой. Тем не менее попытка это сделать была.

Возможно, что два названных случая участия представителей общин в судебных процессах не были единственными. Правда, они лучше отразились в кунгурских описях. Следует отметить, что в качестве истцов и ответчиков время от времени выступали неизвестные лица. В каких случаях такое положение вещей оказывалось возможным?

В первую очередь, если ответчик по делу не был сразу же найден, и у истца даже не было подозрений по поводу того, кто мог совершить преступление. Это отражалось при регистрации данных случаев. Так, в реестре судебного комиссара Г. Черкасова можно найти следующую устойчивую формулировку: «дело... на неведомых воров»³⁴.

В очень многих случаях остается неизвестным истец. В первую очередь, так обозначались приводы, которые были одним из

³³ См.: РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 125 об. № 1828.

³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 42 – 44 об.

способов возбуждения дела в суде. (В первой четверти XVIII в. сохранялось несколько путей начала судебного процесса: по челобитной, по словесному извету и путем привода преступника или подозреваемого в совершении преступления). Привод регистрировался без явки или челобитной, что создает сложности при определении лица, начавшего процесс. Преступника или подозреваемого мог привести как сам пострадавший (истец), так и представители органов мирского самоуправления.

Оба случая хорошо иллюстрируются материалами Каменска и Кунгура³⁵. Обратим внимание на те из них, где привод оформлялся не истцом, а не слишком заинтересованными в нем людьми. Так 18 ноября 1726 г. было возбуждено дело против крестьянина Федора Розорвина, приведенного в кунгурскую канцелярию воеводского правления с «воровскими пожитками» крестьянином Георгиевского села Тимофеем Шутовым. Последний не имел к делу никакого отношения, так как Розорвина «отдал де ему означенного села сотской Игнатей Дакалов да велел свести в вышепоказанную канцелярию для объявления и бит челом Его Императорскому Величеству, чтобы привод ево помянутой канцелярии записать, а приводного и приносные с ним пожитки приняв и роспросить»³⁶. В делопроизводственных документах Арамильской земской конторы также можно найти неоднократные «указы» земского комиссара Степана Неелова к старостам и сотникам слобод с распоряжениями найти и выслать к земскому судье Венедикту Томилову тех или иных крестьян. В том случае, когда дело с высылкой затягивалось, к старостам с письмом отправлялись «нарошние посылшики»³⁷.

Таким образом, мир нередко становился исполнителем воли местных администраторов – земских и судебных комиссаров, – в обязанности которых входило очень многое. Во-первых, от них требовалось своевременное снаряжение подвод. Во-вторых, они искали

³⁵ Например, 13 марта 1723 г. в Каменскую судебную канцелярию «Колчеданского острогу крестьянин Савин Поздеев явился и привел в привод колчеданского ж крестьянина Федота Аристова Короткова с воровским ячемнем, которой украл он Коротков у него Поздеева з гумна» (ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).

³⁶ РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2280. Л. 1.

³⁷ См.: ГАСО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35 об., 42 об. – 43, 45.

и представляли к суду требующихся людей, занимались доставкой в судебную канцелярию найденных трупов для проведения следствия по делу³⁸. В-третьих, от старосты и выборных время от времени требовали справочную информацию о распределении земельных угодий между членами общины и проч.³⁹ В-четвертых, органы земского самоуправления занимались распределением нарядов караульных⁴⁰.

Органы мирского самоуправления продолжали играть большую роль не только при поимке преступников и отсылке к суду ответчиков по делу, но и при осуществлении самого судопроизводства. Один из ярчайших примеров мирской независимости был представлен в немногочисленных документах Вятской судебной канцелярии.

В Вятскую канцелярию судных и земских дел 19 мая 1722 г. поступила явочная челобитная от вятского жителя Прокопия Иванова с жалобой на рубщиков леса – «сторонних воровских людей»⁴¹. Постоянным местом жительства Иванова являлся город Хлынов, но он обладал правом собственности на лесные угодья неподалеку от его родной Винокуровской деревни Березовского стана. За 5 дней до подачи челобитной, 14 мая, челобитчик отправился в лес и застал там жителя того же Березовского оброчного стана Алексея Микулина за вырубкой своей собственности. По-видимому, Прокопий Иванов не был быстрым бегуном, так как Микулину удалось скрыться с места преступления. Несмотря на этот факт, Иванов опознал вора. Ответчик был найден.

Через четыре дня, 18 мая, в Винокуровской деревне состоялось «судебное разбирательство». В нем принимали участие

³⁸ Например, 8 ноября 1723 г. в тюменскую судебную канцелярию жителями Скородумской и Гилевой деревень И. Турлаковым и Н. Сургудановым был доставлен «убитый человек мужеска полу», найденный в речной проруби неподалеку от деревни Гилевой (см.: ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 17–17 об.).

³⁹ 7 ноября 1722 г. судебный комиссар Д. Петров отправил указ старосте и выборным Киргинской слободы, чтобы последние предоставили ему данные о распределении пашенной земли между ее крестьянами (см.: ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об.).

⁴⁰ См.: Там же. Д. 9. Л. 13 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 654. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2 об.

«сторонние люди» – лучшие представители земской общины Березовского стана. После того как ответчик признался в совершенном деянии перед мирским судом «и при вышеписанных людех во все селу он винулся», дело было передано в государственные структуры. Подьячий Вятской судебной канцелярии принял дело, указав стоимость потравленного леса и взяв пошлинные деньги с явки. Таким образом, он официально зафиксировал окончание процесса. Органы государственной власти подтвердили виновность Алексея Микулина в вырубке чужого леса.

Подобные примеры мирского самоуправления в начале XVIII в. можно реконструировать по косвенным данным источников. Естественно, что мир не был силен повсюду. Традиции земского самоуправления, характерные для русского Севера XVI–XVII вв., сохранились в основном в Приуралье⁴². Владение собственностью на территории стана автоматически создавало условия для участия в земском самоуправлении этого сообщества и давало возможность прибегнуть к его защите в любой ситуации.

Средний Урал и Западная Сибирь находились в более жесткой зависимости от власти в силу достаточно сурового контроля над территорией горно-заводского и близости губернского начальства. Вследствие этого мирское самоуправление сводилось к регуляции взаимоотношений между членами общины и поддержанию порядка на занимаемой ими территории. Данный вывод может быть сделан на основе делопроизводства судебных канцелярий Урала и Сибири, в котором можно встретить упоминания о неоднократных приводах воровских и беглых людей представителями общины⁴³, а также о передаче в судебные канцелярии пойманных «воровских лошадах».

Община являлась главным регулятором поддержания норм нравственности в своей среде. Этот вывод можно сделать на основе анализа не только реестра Г. Черкасова и кунгурской описи за 1722 г., но и судебно-следственной документации, отложившейся в результате деятельности кунгурской воеводской, Каменской заводской и Екатеринбургской судных дел канцелярий. Большинство дел

⁴² См.: Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т. 1. С. 192–193.

⁴³ См.: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1928. Л. 25–25 об.

с обвинениями в «блудном воровстве» были возбуждены в результате прихода⁴⁴.

Рассмотрев динамику и тематику судебных дел, а также социальный состав истцов и ответчиков, мы можем сделать следующие выводы. Несмотря на все попытки государства монополизировать судопроизводство, создав отдельные от органов управления судебные органы, в стране продолжали сохраняться традиционные органы правосудия. Помимо того что часть функций по осуществлению судопроизводства была распылена между специализированными органами управления (например, ратушами) и периодически присваивалась другими администраторами, все мелкие споры и тяжбы решались населением при помощи органов общинного самоуправления.

Крестьяне в большинстве случаев продолжали решать проблемы всем миром, обращаясь к государству лишь в наиболее сложных вопросах. Сходная ситуация сложилась в кругах инородческого населения Урала и Западной Сибири, где исправно функционировали свои общинные структуры. Следствием этого стало естественное стремление государства подчинить органы общинного самоуправления своей воле, что проявлялось в их зависимости от земских и судебных комиссаров по определенному ряду вопросов⁴⁵. Большинство исследователей, занимавшихся изучением процесса разработки проекта судебной реформы, говорят о том, что Петр не пожелал ввести в России самую низшую судебную единицу Швеции — крихшпиль⁴⁶. Несмотря на это, можно говорить о том, что в реальности существовала еще одна судебная инстанция. Ее ненамеренно воспроизводила мирская организация.

Чего же хотели крестьяне, обращаясь в коронный суд? Естественно, что через судью они «били челом» самому царю, ища, таким образом, справедливого разрешения волнующего их вопроса.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

⁴⁵ Данный процесс, начавшийся еще в XVII в., был ярко освещен в монографии М. М. Богословского. См.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. М., 1912. Т. 2 : Деятельность земского мира. Земство и государство. С. 199–221.

⁴⁶ См., например: *Peterson Claes.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm, 1979. P. 252.

Обычная крестьянская община уже давно не могла справляться с достаточно значительным объемом уголовных правонарушений, проведение судебных процессов по которым было полностью сосредоточено в руках местной администрации. Правда, и она не была всемогущей. В результате в судебные канцелярии и прочие органы местной администрации время от времени поступали челобитные крестьян и представителей прочих категорий населения с просьбами позволить им отлучиться с постоянного места жительства для поимки преступника.

Обязательное написание на гербовой бумаге и регистрация всех сделок в крепостных конторах привели к тому, что нотариальная часть полностью оказалась в руках государства. Именно в первой четверти XVIII в. все земельные, имущественные, долговые и прочие вопросы могли быть решены только коронными властями, в «нижних» и надворных судах.

Время привело к усложнению контроля над сферами морали и нравственности. В условиях продолжавшейся колонизации края и нивелирования различий между представителями большинства социальных групп органы земского самоуправления не всегда могли решить все возникавшие в этой области проблемы. Государство, все более стремившееся поглотить церковную организацию, начало принимать активное участие в деле создания семьи и следило за соблюдением нравственности в обществе. Поневоле в каждом таком деле оказывались задействованы три стороны: государство, церковь и община. Последней приходилось считаться с государством и церковью для поддержания стабильности в своей среде.

Главным посредником в жизни общества судебные органы становились в случае столкновения интересов различных социальных слоев. Они являлись громоотводом и в ситуациях, когда в той или иной общественной организации наблюдалась чрезмерная концентрация социальной агрессии, приводившей к полному дисбалансу всех ее структур.